

Привычной дорогой вернувшись в свою комнату, Чай Цзыжань уже открыл дверь, как вдруг вспомнил, что её захватил Мо Цзюцзюнь. Но раз уж вошёл — отступить неловко, будто он что-то замышляет. Спокойно переступив порог, он увидел, что у стола никого нет. Повернул голову к ложу — так и есть: Мо Цзюцзюнь лежал пластом. Если бы не ровное дыхание, по тому, как вытянулись его руки и ноги, можно было бы подумать, что он внезапно скончался.

Раз уж человек спит, Чай Цзыжань решил тихонько улизнуть.

Но с ложа раздался голос:

— Тебе очень горько?

Чай Цзыжань замер, поняв, что речь о расторжении помолвки. Уголки его губ поползли вверх:

— Горьковато, да. Но не из-за девчонки Фэн Сяосяо, а из-за этого: «есть дракон, что не рычит, но одним рыком покоряет небо; есть орёл, что не кружит, но одним взмахом опускается на землю».

Он язвительно скривился:

— Первым, кто меня по-настоящему оценил, оказался маркиз Чанпин. Не будь у меня помолвки с Фэн Сяосяо, я бы, пожалуй, побратался с ним.

Мо Цзюцзюнь медленно открыл глаза, приподнялся на ложе и похлопал по свободному месту рядом, приглашая Чай Цзыжаня присесть. Тот усмехнулся: в детстве это он обычно хлопал по своей постели, подзывая маленького А-цзюня. Весело подойдя, он улёгся рядом. Мо Цзюцзюнь тоже прилёг.

Так они и лежали плечом к плечу, на одной голубой подушке, под одним голубым одеялом. Чай Цзыжаня вдруг охватило чувство, будто он снова вернулся в те времена, когда ему не было и десяти. Их семьи дружили, мать часто брала его с собой в дом великой старшей принцессы. Когда становилось скучно, он норовил залезть под одеяло к маленькому Цзюцзюню, подначивал того, с его каменным личиком, лазать по деревьям воровать персики да абрикосы, а ещё любил выпускать на волю редких птиц, которых держал муж принцессы, а потом прятался и потешался, глядя, как тот бесится.

Чай Цзыжань прошептал:

— А-цзюнь, если бы жизнь можно было начать сначала...

Из уголка его глаза неожиданно скатилась слеза и бесшумно впиталась в подушку.

— Может, тогда мои отец с матерью не ушли бы.

Мо Цзюцзюнь весь вздрогнул, мягко обнял его и, словно вспомнив что-то тягостное из прошлого, слегка задрожал, стиснув губы. Чай Цзыжань похлопал его по плечу и усмехнулся:

— Ой! Плакать собрался? Горюющий-то тут я, а разнюнился почему-то ты.

Мо Цзюцзюнь отпустил его руку, повернулся к нему спиной и продолжил молчать.

Хотя дразнить человека с такими наклонностями и не совсем благородно, но Чай Цзыжань, будучи вечно угнетаемой стороной, считал: если не отомстить сейчас, потом такой возможности может и не выпасть. Он обхватил ладонью стройную талию Мо Цзюцзюня, слегка

ущипнул, а затем, привычным движением нащупал пояс и дёрнул за край.

Грудь Чай Цзыжання прижалась к спине Мо Цзюцзюня, и он почувствовал, как тот весь напрягся. Когда его бедро слегка коснулось голени Мо Цзюцзюня, тот дёрнулся и отпрянул. Чай Цзыжань рассмеялся:

— Ого! Братец Цзюцзюнь, ты что, смутился?

Его рука под одеялом, будто не замечая окаменелости Мо Цзюцзюня, продолжала весело обследовать его талию.

— Братец Цзюцзюнь, раз уж пришёл ко мне ночевать, мог бы и в спальное переодеться!

Он с притворным испугом воскликнул:

— Это я недоглядел! Сейчас принесу своё.

Пустив в ход обе руки, он принялся раздевать Мо Цзюцзюня. Кожа под пальцами была твёрдой и обжигающе горячей, а сам он не двигался. Ободрённый этим, Чай Цзыжань взгромоздился на него сверху и принялся яростно стаскивать с него одежду.

Тут Мо Цзюцзюнь наконец не выдержал. Он схватил Чай Цзыжання за запястья, и его слегка покрасневшие глаза метнули гневную искру:

— Довольно дурачиться!

Чай Цзыжань хихикнул:

— А я ведь просто боялся, что у тебя маловато опыта, чтобы взять Лоу Юйцзэ силой. Показываю, как надо. Смотри и запоминай, потом с ним так же сделаешь.

Мо Цзюцзюнь вцепился в плечи Чай Цзыжання, швырнул того вглубь ложа, а сам босиком выбежал из комнаты, бросив на ходу:

— Я не собираюсь брать его силой.

Чай Цзыжань никак не ожидал, что Мо Цзюцзюнь окажется таким сентиментальным типом и предпочитает действовать с Лоу Юйцзэ нежностью. Что ж, это его дело. Сильно дёрнув мягкое, как пух, одеяло, он накрылся с головой и провалился в беспробудный сон.

На следующий день Чай Цзыжань, как обычно, проспал до самого полудня. Яркий солнечный свет бил в окно. Он, морщась, потёр глаза и громко воззвал:

— Юань Хан! Юань Хан! Юань Хан!

Этот парень, хоть и любил при случае полениться, по утрам обычно старательно будил его и помогал одеваться.

Снаружи слышались шаги, и робкий голосок Юань Хана произнёс:

— Господин Суй Фэн, мой господин уже поднялся. Пропустите, пожалуйста.

Спустя четверть часа в комнату плавно вошёл Суй Фэн с умывальными принадлежностями, а дверь за ним приоткрыл Юань Хан. Чай Цзыжань в испуге откатился к изголовью кровати,

высунул голову и, заикаясь, спросил:

— С-Суй Фэн, ты ч-что?

При этом он краем глаза следил за предметами в его руках.

Суй Фэн по натуре был человеком мягким, но, находясь всегда рядом со своим суровым господином, эту мягкость почти не проявлял. Теперь же, в отсутствие хозяина, на его лице играла улыбка с милыми ямочками:

— Господин Цзыжань, позвольте помочь вам совершить утренний туалет!

У Чай Цзыжаня волосы встали дыбом. Он замахал руками:

— Не надо, не надо, не надо!

Суй Фэн и Суй Ин были личными телохранителями Мо Цзюцзюня, и их боевое мастерство внушало трепет. Чай Цзыжань, хоть и профан в этом деле, как-то раз видел, как Суй Фэн, используя внутреннюю силу, хлестнул человека кнутом. После первого удара тот посинел; после второго — забился в конвульсиях и потерял сознание; после третьего — отправился напрямик в мир иной, и тело понесли в погребальную контору.

Чай Цзыжань мысленно прочитал несколько раз «Амитабха» и увидел, как Суй Фэн, нимало не смущаясь, почтительно подал ему белое полотенце для лица. От страха чуть не лишившись чувств, Чай Цзыжань босиком подскочил, почтительно принял вещи и принялся яростно тереть лицо.

— Благодарю господина Суй Фэна, — пробормотал он, переполненный одновременно страхом и почтением.

Суй Фэн вежливо поклонился в ответ, принял из его рук полотенце, подхватил умывальные принадлежности и направился к выходу.

Чай Цзыжань босиком проводил его до двери и, когда тот отошёл на несколько шагов, с грохотом захлопнул дверь на засов. Схватив Юань Хана, он устроил допрос:

— Что вообще происходит?

Лицо Юань Хана тоже выражало крайний испуг. Тщательно обдумав, он начал:

— Наверное, всё из-за того, что вчера, после того как вы вернулись в комнату, господин Цзюцзюнь вскоре вышел под виноградный навес и спросил у меня: «Где тут поблизости есть река?» Я ответил, что если выйти за ворота и пройти полчаса направо, то будет река Суюй. Там часто рыбу ловят, и вода довольно чистая. Он развернулся и ушёл.

— Примерно через полчаса Суй Фэн вытащил меня из постели и отвёл к реке Суюй. И я увидел, как господин Цзюцзюнь в глухую ночь с закрытыми глазами... моется.

Чай Цзыжань опешил:

— В глухую ночь с закрытыми глазами моется?

Выходит, он не так уж хорошо знал Мо Цзюцзюня, раз тот имел такие странные привычки.

Юань Хан тоже был в шоке:

— Да! Лунный свет играл на воде, а он стоял посреди реки по горло, и только голова торчала на поверхности. Тёмная-претёмная, жуть как страшно! Суй Фэн подвёл меня к берегу, поклонился господину Цзюцзюню и доложил, что привёл меня. И эта голова, плавающая на воде, вдруг открыла глаза — такие свирепые! — и спросила: «Ты много лет при А-жане. Он к тебе когда-нибудь приставал?»

— Я от страха так и сел на землю, словно язык проглотил. Суй Фэн потом ночью купил мне вина для храбрости, и я только тогда смог ответить. Но голова-то у меня уже не работала! Он спросил: «Было?» А я и говорю: «Было». А у него лицо ещё чернее стало, прямо как у демона, что по ночам людей пугает. И спрашивает: «А спал ли ты с господином в одной постели, под одним одеялом?» А у меня такая болезнь: когда нервничаю или пугаюсь, начинаю кивать.

— Он смотрел, как я усердно киваю, и не останавливал. А когда я устал и остановился, лицо у господина Цзюцзюня стало прямо как у Янь-вана. У меня аж дух захватило от страха, и потом...

Чай Цзыжань, заинтригованный, переспросил:

— И потом что?

— И потом... я отключился.

Чай Цзыжань: «...»

— Очнулся я уже под утро. Рядом стоял Суй Фэн. Он сказал, что я слишком труслив и, пожалуй, не смогу как следует о вас заботиться. И что с сегодняшнего дня он сам будет приглядывать за вашим благополучием вместо меня.

<http://bllate.org/book/15931/1423872>